

Не жалейте своей доброты и участья...

А. Дементьев

Обычное воскресное утро в большом городе. Одиннадцать часов двадцать минут. Ночью валил мелкий колючий снег: он запорошил сонные дома, дороги и детские площадки, деревья, газоны и скамейки у подъездов. Отдыхающие во дворах автомобили стали похожи друг на друга, как близнецы, в своих «маскировочных халатах». От уже уехавших машин кое-где на земле зияли потемневшие прямоугольники — свидетели вчерашнего дня, которые говорили о том, что кто-то даже в выходной день не мог позволить себе понежиться в постели дольше обычного: дела зовут!

На третьем подъезде пятиэтажной хрущёвки сработал датчик открывания. И добротная металлическая дверь, распахнувшись, выпустила из пасти тамбура клубы тёплого пара в морозный февральский воздух.

Тяжёлая дверь автоматически глухо захлопнулась за спиной у Любы, и она на мгновение задержалась на крыльце. Затем женщина глубоко, по-звериному, вдохнула утреннюю свежесть и, улыбнувшись, осторожно спустилась по двум слегка обледенелым бетонным ступенькам. По привычке окинув беглым взглядом открывшуюся картину своего двора посреди четырёх домов, Люба на ходу

подняла голову к небу и тихо поприветствовала новый день: «Здравствуй, Вселенная». Конечно, ей всегда хотелось это крикнуть с юношеским задором и даже изобразить какое-либо эдакое движение телом, но в голове уже срабатывал предупредительный сигнал, не позволяющий «сорвать стоп-кран». Ведь к Любаше уже всё чаще обращались уважительно, по имени-отчеству, и, в силу среднего возраста женщины, теперь разум всё настойчивее преобладал над её чувствами. Хотя лет пять тому назад было огромным удовольствием для всей её семьи (перед выездом на летнюю дачу) лицезреть, как Люба, в яркой футболке и парусиновых брючках, выскакивает из подъезда навстречу солнцу, кричит: «Здравствуй, Вселенная!» — и легко изображает ногами фигуру «ножницы». Просто так; для радости, для хорошего настроения, для себя, для своих самых родных...

А сейчас — пять шагов прямо, потом десять направо, затем налево и наискосок, мимо качели по центру. За несколько минут ходу она успевает заметить, что двор пуст: ни людей, ни собак, и даже завсегдагаи-голуби ещё томятся на пыльном чердаке девятиэтажной «свечки». Только цепочки разных по величине следов на свежем снегу выдают пробежавших здесь ранее прохожих. Многие знакомые окна с ночи зашторены. Люба мысленно сравнивает дома с огромными ульями, где в квартирках, как в сотах, копошатся (словно пчёлы) человеческие семьи, каждая на свой манер, и этим счастливы. Куда хуже тем, у кого нет крыши над головой. Дальше мелькает мысль о вечном: небесная крыша сегодня затянута светло-серым покрывалом. Да так, что не пропускает на землю ни одного солнечного волоска, а потому и снег не искрится, и в душе — затишье. Что с того? И так бывает. И только лёгкий ветерок отвечает на утренний порыв эмоций.

Дальше Люба «печатает» шаги ещё в одном проходном дворе по направлению к остановке городского транспорта. Один автобус, затем пересадка на другой, который доставит её до библиотеки, на литературную учёбу.

Как же она обожает поездки в автобусах, особенно когда свободных мест больше, чем людей: можно выбрать местечко у окна и любоваться городскими красотами. Вот уже

и мост через Енисей позади, и кольцо дорожной развязки на Предмостной площади. Впереди несколько остановок — и путь будет завершён.

А пока Люба с интересом рассматривает невольных попутчиков. Наискосок (тоже у окна) сидит ухоженная дама в позе Джоконды. Руки — точная копия с картины Леонардо да Винчи, только в перчатках из чьей-то кожи, а под ними сумочка. Это особенно распространённая поза рук на сумках у сидящих пассажирок автобусов. Такое наблюдение Люба сделала давно и теперь умилялась своему изящному сравнению пассажирок со знаменитой Моной Лизой... Впереди сидит парочка молодых людей в спортивных костюмах-пуховиках. У парня и у девушки в ушах наушники, в руках мобильники, за плечами рюкзаки. «Бедные дети, — думает наша путешественница. — Смотрят ли эти влюблённые когда-нибудь в глаза друг другу?..»

За мутноватым окном мелькают знакомые холодные уличные пейзажи, небо по-прежнему серее серого.

Напротив дверей стоит мужчина, спокойно созерцая вокруг себя. «Чуть старше меня», — отмечает Люба и с удовольствием замечает, что объект её внимания одет неброско, но, как говорят, с иголочки. «Не исключено, что он из наших, творческих», — продолжает рассуждать Люба. Она даже пытается вспомнить, где видела его раньше, но в это мгновение автобус немного дёрнуло, и он остановился, чтобы принять новых пассажиров.

Снаружи совсем юная девушка-мать пыталась поднять детскую коляску на ступеньки. Мужчина («с иголочки») ловко, без суеты, подхватил коляску и помог мамочке установить её около пустующего сиденья, прямо перед Любой. Ребёнок в коляске, видимо, спал. Мамочка села и вынула из сумки кошелёк. Тут же «нарисовалась» кондуктор и, увидев, что предстоит отсчитать сдачу с тысячи, бросила клич в народ: «Кто-нибудь тысячу разменяет?» В ожидании ответа она пошла по салону обилечивать других вошедших.

Дальше произошло всё так быстро и так естественно то, что называют чудом и что отпечатывается в памяти надолго (если не навсегда).

Вдруг мужчина протянул к девушке руку с ладошкой, наполненной мелочью. И в тот миг, когда мамочка отсчитывала (из предложенного) двадцать два рубля на билет, поток солнечного света ворвался сквозь окошко, и монетки засверкали, заискрились, как драгоценные сокровища! И в следующую секунду всё вернулось на свои места, мужчина незаметно опустил руку в карман своей куртки и повернулся лицом в сторону движения автобуса.

Люба с замиранием сердца подумала: «Точно — наш, с возвышенными чувствами». И уже хотела загордиться тем, что входит в одно литературное объединение с такими (!) людьми, как приятный голос объявил: «Остановка „Хлебозавод“». И, к великому сожалению для Любы, её герой покинул посветлевший салон...

«Ангел!» — осенило радостную Любашу. Она даже привстала с сиденья, чтобы получше рассмотреть крылья на спине уходящего, но не увидела их. Удивление сменилось нежным восторгом: «Чистый ангел!!!...»

Автобус мирно двигался по заданному маршруту. Воскресный город лениво просыпался и наполнялся ослепительным сиянием, окончательно разорвавшим пелену безразличного ранее неба. Жизнь неслась неизменно вперёд, в будущее — с уже другими делами и поступками. Как будто только что ничего особенного не произошло.

...В коляске апельсинового цвета сладко спал младенец с забавным личиком. Щёчки его с мороза покраснели, как снегири, в уголках тоненьких губ — ангельская улыбка, а в маленькой головке — большие мысли: «Они ещё сомневаются: ангел или не ангел? Ох уж эти взрослые: как же им сильно хочется быть причастными к Великому! А ведь это — всего лишь норма Жизни...» Одиннадцать часов пятьдесят минут.